

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «ПРОМЗОНА»: ИСТОРИЯ СЕМЬИ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Павел Александрович Отдельнов

Художник. Работает в жанре индустриального пейзажа. Член секции живописи Московского союза художников (МСХ). Окончил Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова и Институт проблем современного искусства. В 2015, 2017 и 2019 гг. был номинирован на премию Кандинского, в номинации «Проект года», в 2017 г. — лауреат премии в области современного искусства имени Сергея Курёхина (специальный приз Французского института). Произведения художника находятся в Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Московском музее современного искусства, а также в других государственных и частных музеях и коллекциях. Живёт и работает в Москве.

107140, Москва, ул. Краснопрудная, 12/1 стр. 1, мастерская 9.

E-mail: otdelnovpavel@gmail.com

Основой для художественно-исследовательского проекта «Промзона» стала история семьи Павла Отдельнова. Три поколения предков художника трудились на химических заводах Дзержинска — столицы химической промышленности Советского Союза. Для создания проекта художник Павел Отдельнов исследовал территорию заводов в её текущем состоянии, архивные материалы, газеты советского времени, а также обратился к личным историям людей, работавших на химическом производстве.

Проект включает в себя шесть частей: «Следы», «Доска почета», «Руины», «Музей», «Песок» и «Кинозал». Используя различные медиа — живопись, фотографию, видео, инсталляцию, текст и найденные объекты, художник предлагает взглянуть на ушедшую эпоху в её историческом и персональном измерении.

Ключевые слова: советская история, история повседневности, художественное исследование, история химической промышленности, художник Павел Отдельнов

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-4-214-241

Мой проект «Промзона» связан с историей моей семьи. Я родился в городе Дзержинске Нижегородской области, столице советской химической промышленности. Три поколения моих предков работали на секретных химических заводах. Бабушка незадолго перед войной приехала в один из заводских

Семья Отдельновых. Середина 1960-х.

Слева направо: Людмила Леонидовна Отдельнова, Александра Максимовна Отдельнова, Александр Леонидович Отдельнов, Леонид Павлович Отдельнов.

На этом снимке самый маленький — отец автора, он, как его старшая сестра и родители, устроился после школы на тот же завод

поселков из глухой деревни — в то время заводы строились и были нужны руки. Работа была очень вредной и тяжелой. Вначале бабушка готовила снаряды для химавиабомб, а затем была занята на производстве оргстекла для авиации. Дедушка работал в том же цехе, там они и познакомились. Их дети, мои папа и тетя, после школы устроились на тот же завод, в 1970-х гг. такая преемственность считалась поводом для гордости и называлась «трудовая династия».

Проект посвящен промзоне моего родного Дзержинска — большому кластеру химических заводов. Большинство заводов восточной промзоны Дзержинска были построены в 1939 г. Они были нацелены прежде всего на выпуск боевых отравляющих веществ и все военные годы производили боевую химию в огромных масштабах, хотя химическое оружие практически не применялось ни одной из сторон. После войны заводы производили сырье для самых разных отраслей советской промышленности, например, капролактам — основу для синтетических волокон, а также оргстекло, удобрения и гербициды, тетраэтилсвинец, ДДТ, фенол-ацетон, ПВХ. В 1990-е гг. перестала работать централизо-

ванная система экономики, самые прибыльные участки оказались в частных руках, большинство производств были признаны убыточными и закрыты. Градообразующие заводы один за другим обанкротились. Сегодня многие из закрытых цехов разрушены совсем, а другие заброшены.

Недавнее прошлое оказалось как будто стертым. От гигантских заводов остались руины. От рабочего поселка, в котором жили мои предки, не осталось почти никаких следов. Истории, которые вспоминает моя бабушка, кажутся сказками. Мой проект приглашает поразмышлять о забвении, о том, как реальные исторические события превращаются в мифы, а природа отвоевывает пространства, ранее занятые человеком: деревья прорастают через бетонные плиты и разрушают здания. Советская история, возникшая как миф, превращается в античные руины, так и не осуществившись в реальности.

Относительно недавно я вдруг понял, что почти ничего не знаю о том, как это было. Как выглядели цеха, что именно делали мои предки, о чем они думали; что случилось с этими заводами в 90-е годы, почему значительная их часть прекратила работу и была разрушена. От папы и бабушки я иногда слышал истории, которые были своеобразными «семейными преданиями», но не считал их чем-то важным. И вот однажды мы с папой, который всю жизнь (больше 40 лет) работал на этих заводах, попали на территорию одного из них. В нашем походе на завод меня больше всего впечатлило, что от цеха, где в 80-е работал папа, не осталось и следа, его давно снесли. Везде рос дикий лес. И я вдруг понял, что это недавнее прошлое, которое так ясно помнят мои родственники, исчезает, не оставляя почти никаких следов.

Это побудило меня чаще приезжать в родной город и общаться с родственниками. Я записал большие интервью с воспоминаниями, незаконно проникнул на территории заводов и ходил вдоль руин заброшенных цехов, пытаюсь мысленно представить, какими были трудовые будни моих предков. Мне захотелось узнать больше. Я познакомился с бывшей заведующей заводским музеем и получил доступ к большому фотоархиву, который она бережно сохранила. Записался в Ленинскую библиотеку в отдел газет и пересмотрел подшивки заводских малотиражек от 1930-х до начала 1990-х гг. Прочитал изданные и неизданные мемуары и познакомился с бывшими работниками заводов. Приобрел дрон и облетел территории заводов-гигантов.

Я работал над проектом больше четырех лет и результаты показал на выставке «Промзона» в Московском музее современного искусства в январе–марте 2019 г. Зрителям были показаны живописные работы, фотографии, фильмы, инсталляции, тексты и найденные объекты. Проект «Промзона» состоит из шести разделов, и в каждом предложен свой угол зрения на прошлое и настоящее химических заводов Дзержинска.

Иприт. 2017. Холст, масло. 100 × 150 см

Раздел 1. Следы

Для работ первого раздела я использовал архивные материалы, такие как снимки из бывшего заводского музея и архива заводских и городских газет. В работе «ГО» использован найденный в одном из заводов учебный диафильм.

В Первой мировой войне впервые было применено новое оружие массового поражения — химическое. В межвоенный период навряд ли кто-то сомневался, что химическое оружие станет если не главным, то одним из самых стратегически важных видов вооружений. С конца 1930-х гг. дзержинские заводы начали налаживать производство иприта, люизита, фосгена и хлора.

Иприт имеет запах горчицы, вот почему зачастую именуется «горчичным газом». Его впервые применили во время Первой мировой войны немцы около бельгийского города Ипр, из-за чего он и получил своё название. Это высокотоксичное боевое отравляющее вещество кожно-нарывного действия. Его капли вызывают страшные поражения кожи — пузыри, которые лопаются, а на их месте остаются незаживающие язвы. Пары вызывают отек легких. Иприт производился на заводах Дзержинска с 1939 г. Во Второй мировой войне ни одна из сторон так и не решилась применить это оружие. Так вышло, что больше всех от нее пострадали сами рабочие. После войны производство было законсервировано, а в 1990-е полностью ликвидировано. Продукция, производившаяся

Убежище. 2018. Холст, масло. 60 × 80 см

десятками тысяч тонн в год и хранившаяся на складах, так никогда и не была использована.

Вот что пишет Исаак Борисович Котляр, бывший инженером ипритного цеха на одном из дзержинских заводов и участвовавший в его консервации: «Технология была примитивной, без современных технических средств защиты. Атмосфера цеха была насыщена ипритными парами, частые проливы убирались древесными опилками, а затем пол дегазировали хлорной известью. Ни противогаз, ни резиновые комбинезоны, ни сапоги и перчатки не спасали от кожных поражений, острых отравлений глаз и дыхательных путей. Поэтому каждая смена имела двойной состав. Одни работали, а другие лечились.

Вымирание пострадавших в этом цехе началось уже после войны, в основном в 50-е, 60-е и 70-е годы (в зависимости от глубины отравления и образа жизни). Умирали от сердечно-легочной недостаточности, которая медленно, но неизбежно прогрессировала. И не поддавалась никакому лечению» (Котляр, 2001: стр. 15).

Моя бабушка проработала на этом производстве всего месяц: сердобольный начальник перевел ее на менее опасный участок. Среди архивных заводских

12. 02. 1960. 2017. Холст, масло. 180 × 260 см

фотографий я нашел снимок, на котором можно увидеть цех и оборудование, на котором заполняли ипритом химавиабомбы. По мотивам найденной фотографии я написал картину «Иприт».

На каждом более-менее крупном советском предприятии обязательно были кабинеты Гражданской обороны (ГО), в которых проходили соответствующие занятия и просмотры диафильмов. На одном из дзержинских заводов я нашел несколько таких пленок. Их значительная часть была посвящена тому, как вести себя во время химической атаки. Под некоторыми из цехов до сих пор сохранились большие бомбоубежища.

Один из моих дедушек работал инструктором, он регулярно проводил учения, на которых рабочим нужно было подготовить свое рабочее место, надеть противогаз и спуститься в бомбоубежище. Но занятия ГО были нужны не только и, может быть, не столько для того, чтобы суметь укрыться от нападения агрессора. Реальную опасность представляли и сами химические производства, на которых часто случались аварии и внештатные ситуации. Навыки, приобретенные на таких занятиях, были полезны для того, чтобы сохранить здоровье и жизнь.

Переход. 2017. Холст, масло. 100 × 150 см. Частное собрание

Моим самым большим детским страхом была атомная война. Я понимал, что в случае большой войны, скорее всего, придется долго прятаться в бомбоубежище. И с большой вероятностью умереть в нем от голода, холода и отсутствия чистого воздуха. Впервые оказавшись в сохранившемся под одним из цехов убежище, я попал в свой собственный детский страх.

12 февраля 1960 г. из-за утечки газа в шестом цехе завода «Капролактан» произошел взрыв. Сильнейшая ударная волна выбила рамы и стекла в окружающих поселках и даже на территории Горьковского автозавода, в 10 километрах от цеха. Погибла вся смена, 24 человека. Погибших хоронили в разных частях кладбища, чтобы предотвратить массовые скопления людей. Территорию кладбища на время похорон оцепили работники спецслужб и пускали только родственников погибших. Были подписаны многочисленные документы «о неразглашении». Несмотря на то, что все слышали или видели этот взрыв, СМИ того времени предпочли промолчать об инциденте. Я внимательно пересмотрел все заводские и городские издания газет за февраль 1960 г. — в них не было ни слова о произошедшей трагедии. Но среди фотографий из заводского архива сохранился снимок, сделанный с вертолета. На нем можно разглядеть черные руины разрушенного взрывом цеха. Я превра-

Доска почета. 2015–2018. Холст, масло.
Инсталляция, размеры варьируются. Корпоративная коллекция Газпромбанка

тил снимок в «газетную» фотографию, которую написал на огромном холсте, чтобы восполнить пробел в исторической памяти.

Среди архивных фотографий обнаружилось много снимков с наглядной агитацией. Лозунги, нарисованные заводскими художниками-оформителями, были призваны мотивировать трудящихся, например, достойно встретить очередной съезд КПСС или увеличить нормы производства. На одном из таких снимков я узнал переход, остатки которого сохранились и сейчас. Но, к сожалению, перейти по нему уже никуда не получится. Этот переход соединял два корпуса одного цеха, один из которых полностью разрушен.

Раздел 2. Доска почета

Перелистывая подшивки местных дзержинских и заводских газет, я обращал особое внимание на фотографии людей. Обычно на страницы малотиражек попадали передовики производства, стахановцы — «двухсотники» и «трехсотники». Под каждой такой фотографией — небольшой комментарий о том, чем отличился труженик. До семидесятых годов нигде не упоминалось, что именно производил удостоившийся портрета рабочий: действовал режим строгой секретности. Все истории под фотографиями в газете казались мне написанными под копирку. Заводская и городская пресса создавала образ героя труда, взяв за образец газету «Правда» и другие главные издания Советского союза. Если всматриваться в эти фотографии, то можно увидеть целый ряд особенностей, характерных для каждого времени:

- Ретушь. На снимках 1930-х гг. заметно, что были дорисованы предметы одежды — галстук или пиджак. Всегда прорисовывался взгляд героя, стирались дефекты кожи. Примерно с 1960-х гг. ретушь почти перестала использоваться в технике печати. С этого времени фотографии выглядят более натурально.
- Советские фотокорреспонденты учитывали скромные возможности газетной печати и старались сделать максимально контрастным свет для съемки. Тем не менее, многие снимки в газете получались совсем нечеткими. На некоторых из них невозможно различить черты лиц.
- Сама техника съемки претерпела большие изменения: постановочные студийные портреты 1930-х с контрастным светом в 1950-е сменились динамичными диагонально скомпонованными снимками. В 1960-е появились портреты, снятые на фоне производственного оборудования. А в 1980-е заметна попытка придать натурным фотографиям на фоне цехов героический пафос.

01/03/1963. 2015.
Холст, масло. 20 × 15 см

- Менялся доминирующий тип героя: в 1930-е это герой-стахановец, в 1950-е — романтик, устремленный взглядом в светлое будущее, в 1960-70-е — труженик на своем рабочем месте.

Мой взгляд человека XXI века прежде всего обращает внимание не на характерные черты каждого из портрастируемых, а на атрибуты, связывающие изображенного со своей эпохой. Таким образом, на фотографиях мы видим не конкретных людей, а образы, созданные идеологической машиной, рассказывающие больше о контексте и о времени, чем об индивидуальности.

На одном из портретов оказалась моя бабушка. Газетная фотография превратила родного человека в типаж, я не сразу смог ее узнать, когда увидел снимок.

Раздел 3. Музей

Часть выставки я задумал как своеобразный квазимузей — альтернативный вариант краеведческого музея, который хотел бы создать. Его экспонаты никогда не попали бы в официальные музеи: это маленькие вещи, рассказывающие и свидетельствующие не о победах и достижениях, а о повседневной жизни людей.

Мартышки

Словом «мартышки» в народе называли противогазы, которые на многих производствах обновляли ежемесячно. Например, для 33-го цеха «Капролактама», где работал мой папа, ежемесячно привозили 150 новых противогазов и 300 фильтров. Через месяц использования противогазы утилизировались. До сих пор в промзоне Дзержинска можно найти горы списанных противогазов. Один из заводов Дзержинска специализировался на изготовлении средств химзащиты и регулярно поставлял крупные партии для опасных производств. На его территории я нашел горы неиспользованных и частично истлевших противогазов.

Мартышки. 2018–2019. Инсталляция

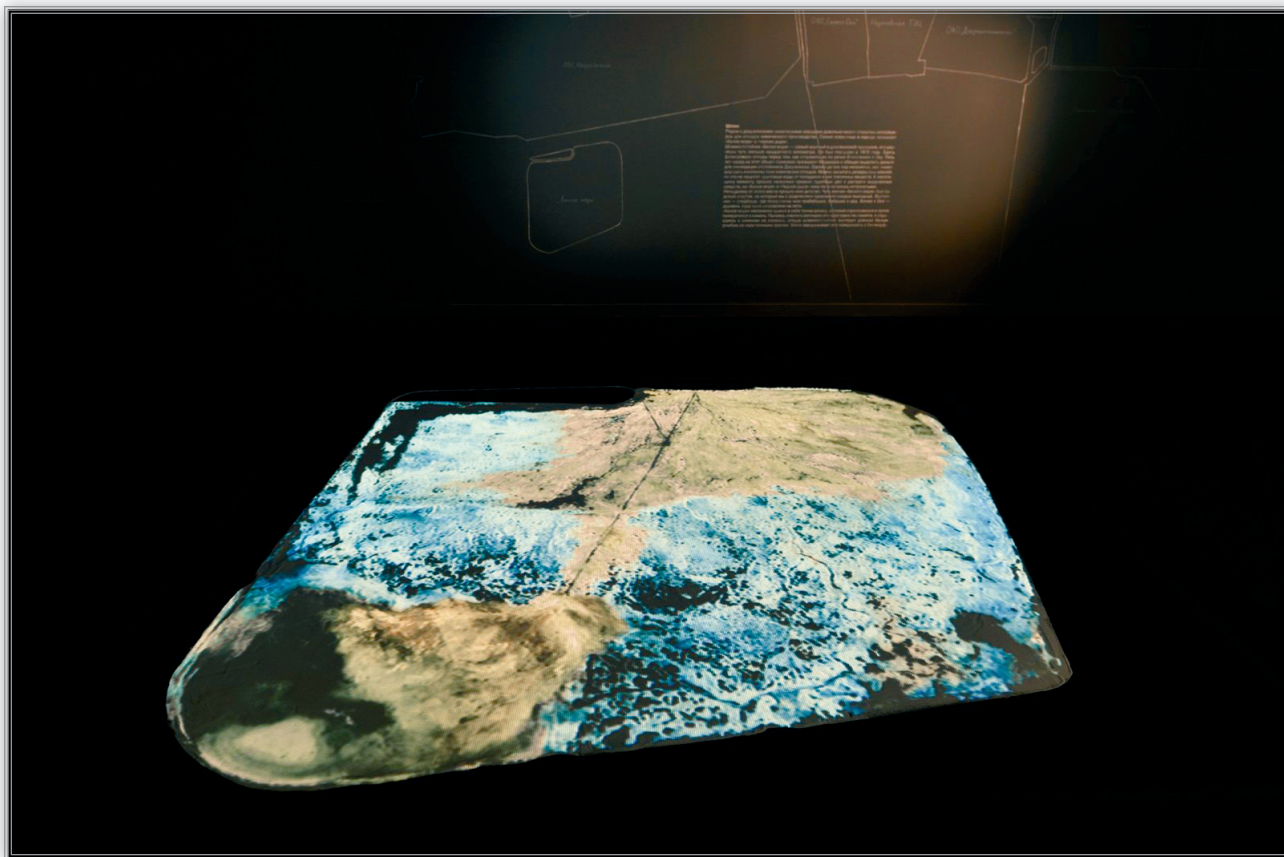
Шлам

Рядом с дзержинскими химическими заводами довольно много открытых резервуаров для отходов химического производства. Самые известные в народе называют «Белое море» и «Черная дыра».

Шламоотстойник¹ «Белое море» — самый крупный в дзержинской промзоне, его размеры чуть меньше квадратного километра. Он был построен в 1973 г. Здесь фильтровали отходы, перед тем как отправить их по речке Волосянихе в Оку. В 2011 г. на этот объект приезжал президент Медведев, пообещавший выделить деньги для ликвидации отстойников Дзержинска. Однако до сих пор непонятно, как ликвидировать миллионы тонн химических отходов. Можно засыпать резервуары землей, но это не защитит грунтовые воды от попадания токсичных веществ. С 2011 г. прошло несколько громких судебных дел о растрате выделенных средств, но к рекультивации «Белого моря» и «Черной дыры» приступили только в конце 2018 — начале 2019 г.

Неподалеку от этого места прошло мое детство. Чуть южнее «Белого моря» был садовый участок, на который мы с родителями приезжали каждые вы-

¹ Шламоотстойник — резервуар для хранения порошкообразных отходов химических производств.

Шлам. 2019. Видеоинсталляция

ходные. Восточнее — кладбище, где похоронены мои прабабушка, бабушка и дед. Ближе к Оке — деревня, куда меня отправляли на лето.

«Белое море» неизменно хранит в себе тонны шлама, который спрессовался и почти превратился в камень. Пытаясь охватить взглядом это пространство памяти, я обращаюсь к снимкам из космоса, откуда шламоотстойник выглядит ровным белым ромбом со скругленными краями. Меня завораживает его поверхность с биоморфными завихрениями и фракталами. Жидкость, которая растекалась и застывала, образовала причудливый рисунок. Получился огромный экран, который, как океан Солярис, хранит в себе память и образы прошлого.

Я собрал все доступные снимки этого объекта, сделанные из космоса, и анимировал их в видеоинсталляции. У меня получилось живое и всё время меняющееся вещество, оно стало главным экспонатом в разделе «Музей».

Запахи

Трудно вообразить все запахи, которые каждый день окружали рабочих химических производств города Дзержинска. Диоксины, трихлорэтилен, винилхлорид, фенол, аммиак, сернистый ангидрид и многие другие химические соединения все время присутствовали в воздухе в разных сочетаниях и кон-

Запахи. 2018–2019. Инсталляция

центрациях. Иногда на заводах случались аварии, и загазованным оказывался весь небольшой город. Помню, как я выходил утром из дома в школу и оказывался в густом тумане. Дзержинцы умели точно определять по запаху, на каком заводе и даже в каком цехе произошла авария. Стоит заметить, что химические запахи иногда напоминают природные. Например, синильная кислота пахнет горьким миндалем, а хлорацетофенон — черемухой. Туманы, накрывавшие город, иногда были не такими уж безобидными. Но об этом никто особенно не думал. По сравнению с загазованностью в цехах, где часто нельзя было находиться без противогаса с накрученными на него несколькими фильтрами, это ничто.

В местном фольклоре есть песня, ставшая неофициальным гимном города Дзержинска. В ней звучали такие строки:

*Проснешься ночью, а на улице туман,
Но вы не бойтесь — это ненадолго.
Наступит утро, и дихлорэтан
Уйдет туда, где Горький и где Волга.*

В настоящее время большинство вредных производств закрыто, поэтому воздух в Дзержинске стал немного чище. Однако вблизи шламонакопителей по-прежнему можно ощутить некоторые из запахов, которые вдыхали работники химических заводов.

Графит. 2016–2019. Инсталляция, найденные объекты

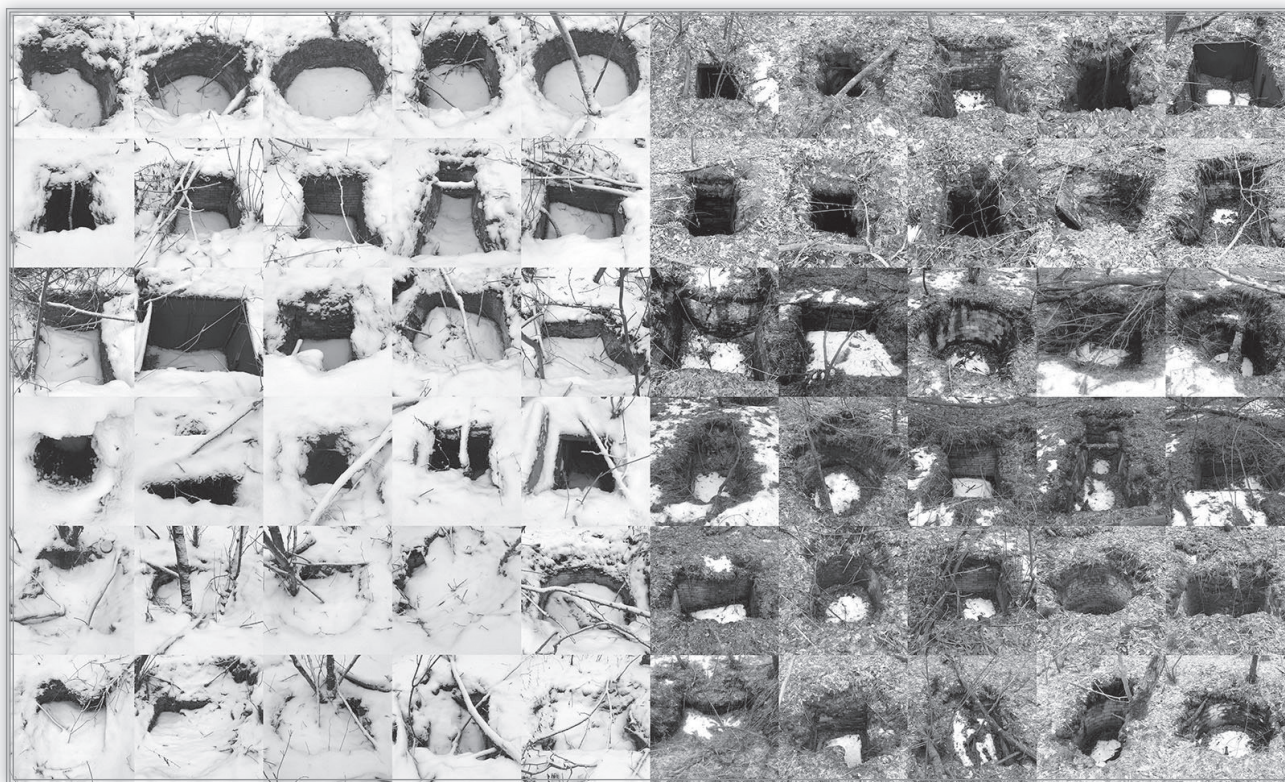
В разделе «Музей» я представил три запаха самых известных шламоотстойников восточной промзоны: «Белого моря», «Черной дыры» и шламов пиролиза. Это склянки с притёртыми крышками, в которых собрано немного того вещества, которое я взял с поверхности открытых резервуаров с химическими отходами.

На пиролизном производстве около двадцати лет проработала моя родственница. Она каждый день вдыхала канцерогенные пары и умерла от злокачественной опухоли.

Графит

Графитовые электроды использовались для производства хлора и других химических продуктов методом электролиза. Во время эксплуатации электроды разлагаются и накапливают высокотоксичные диоксины. Графитовые стержни сорбируют до 20 % своей массы соединения свинца, хлора, серы, азота и другие вредные вещества.

Жители поселков, находившихся рядом с промзоной, обнаружили, что графитовые отходы горят в два-три раза дольше угля, и с 1960-х до конца 1990-х гг. активно использовали их для отопления жилищ. По подсчетам экологов, жители только одного из поселков ежегодно сжигали в печах около 400 тонн такого графита. Были времена, когда его можно было вполне официально выписать на заводе. Потом, когда стало известно его токсичное действие, графит стали от-

Ямы. 2016–2019. Лайтбоксы

возить на свалку. Но водители за небольшие деньги продолжали продавать его местным жителям. Куры, поклевавшие графитовую крошку, умирали. А жители поселков, сжигавшие графит, десятилетиями травились и страдали от болезней органов дыхания. В начале 2000-х гг. большинство домов газифицировали, и необходимость топить печи графитом отпала.

Ямы

Город Дзержинск появился на карте в 1930 г. Но еще долгое время большинство рабочих жили в барачных поселках: Калининском, Менделеевском и многих других. Некоторые из них имели экзотические названия, например, Соловки, где селились раскулаченные, или Фибролитовый, построенный из фибролитовых плит (смесь древесной стружки с цементным раствором). Был также Говенный хутор, там жили золотари.

Рядом с каждым крупным заводом находился Аварийный поселок для начальства и инженеров, то есть тех, кто в случае аварии должен был немедленно прибыть на завод. Это были наиболее благоустроенные места обитания с капитальными зданиями и развитой инфраструктурой.

В одном самых крупных барачных поселков — Ворошиловском — родились почти все мои предки. В нем насчитывалось больше 10 000 жителей. Там имелось две больницы, две школы, роддом, морг, баня, клуб и даже музыкальное училище. Поселки были расселены в 1960-е гг., пропал с карты и Ворошилов-

ский. Сейчас на его месте густые заросли: территория плотно заросла дикорастущими деревьями. От бараков не сохранилось даже фундаментов, но остались ямы, когда-то служившие погребями. Погребя были нужны не только для хранения продуктов — это было также убежище в случае бомбежки или химической атаки.

Клаус

В поисках информации о дзержинской промзоне и об исчезнувшем поселке, где поколениями жили мои предки, я обнаружил аэрофотоснимок, сделанный немецкими шпионами в 1942 г. В подписях к снимку видно, что основным объектом интереса немцев были не заводы, работавшие на оборонную промышленность, а ТЭЦ, обеспечивавшая энергоснабжение всей промзоны.

Тогда же мне попала в руки книга воспоминаний бывшего пилота Люфтваффе Клауса Фритцше, в которой он подробно рассказывал о пребывании в лагерях военнопленных. Его самолет во время второго боевого вылета сбили недалеко от Астрахани, и Клаус провел в советских лагерях шесть лет. Об этом он написал книгу, которая так и называется — «Шесть лет за колючей проволокой». Два лагеря, где он провел больше всего времени, находились рядом с тем самым Ворошиловским поселком на территории промзоны. Пленные немцы работали на самых вредных и опасных участках, например, на производстве добавки к бензину, повышающей его октановое число, тетраэтилсвинца. Люди на таком производстве очень быстро теряли физическое и умственное здоровье. Пленные также строили новые корпуса и налаживали трофейное оборудование, привезенное из Восточной Германии. Рядом с Дзержинском было три лагеря для военнопленных, два из них располагались в Восточной промзоне. Я захотел уточнить местоположение этих лагерей и нашел в сети электронный адрес Клауса. Я не очень рассчитывал на успех, однако написал ему письмо, в котором отправил снимок, сделанный немецкими шпионами. К моему удивлению, Клаус ответил мне по-русски (за шесть лет в лагерях он успел неплохо выучить наш язык) и прислал схему, нарисованную поверх карты советского времени. В ходе переписки мы сумели точно выяснить расположение лагерей для военнопленных. Оказалось, что во время Перестройки и позже Клаус несколько раз приезжал в восточную промзону. Он прислал мне две фотографии. На одной он позирует на фоне строящейся казармы в 1946 г. Второй снимок был сделан в 2000-м: Клаус стоит на том же самом месте, только казарма превратилась в руины. Знание русского языка очень пригодилось бывшему военнопленному: он стал техническим переводчиком и написал два словаря,

Claus Fritzsche
Получатель: praveldelnov@icloud.com
Переправ.: Re: лагерь военнопленных 469/1 в Игумново

Вот фото недостроенного нового корпуса.

----- Weitergeleitete Nachricht -----
Betreff: Re: лагерь военнопленных 469/1 в Игумново
Datum: Mon, 11 Jan 2016 13:09:10 +0100
Von: Claus Fritzsche <claus235@online.de>

An: Павел Отдельнов <praveldelnov@icloud.com> Раскрыть сообщение пользователя Claus Fritzsche

Скриншот переписки. 2016

Камни. 2016–2019. Фрагмент инсталляции

до сих пор известных как *Красный Фритциш* и *Чёрный Фритциш*. Я надеялся приехать к нему в Восточную Германию, чтобы взять интервью, но летом 2017 г. Клаус умер. К счастью, он успел разрешить мне опубликовать нашу с ним переписку, которая стала частью моего проекта.

Единственное сохранившееся здание исчезнувшего Ворошиловского поселка на территории Восточной промзоны Дзержинска — недостроенный клуб завода «Рулон». Он строился по типовому проекту. Его возведение началось в 1940 г., но война не позволила завершить строительство. В 1940-е гг. стояло много других неотложных проблем, а в конце 1950-х началось расселение поселка. Клуб так и не построили. Здание долгое время использовалось как склад, а в настоящее время там располагается овощебаза ближайшей исправительной колонии. Силикатные кирпичи, из которых строилось здание, оказались некачественными. Эрозия и выветривание превратили кирпичи в «камни», которые рассыпаются в руках. Кирпичи, превращающиеся в песок, в моем проекте стали метафорой повседневной истории и исчезающей памяти о том, что происходило совсем недавно.

Раздел 4. Песок

Мой родной город Дзержинск построен на песках. На старых фотографиях можно увидеть песчаную пустыню с редкими соснами, бараками и несколькими зданиями в стиле конструктивизма в центре города: зданием администрации, универмагом и фабрикой-кухней.

Рельсы

Основным видом транспорта для рабочих химических заводов Дзержинска был трамвай. Первую линию, соединившую город и промзону, построили уже через три года после основания города, в 1933 г. Дзержинская городская газета тех лет писала о самоотверженных рабочих-энтузиастах, которые после тяжелого трудового дня на заводах таскали шпалы и лопатами выравнивали основание для трамвайных путей. Это была настоящая народная стройка, линия появилась благодаря «субботникам», «воскресникам» и даже «вечерникам» — существовала и такая форма добровольно-принудительного труда. Открытие первой одноколейной трамвайной линии праздновали как настоящую победу человека над песками и хаосом. Линию много раз достраивали и удлиняли. Позднее появилось еще несколько маршрутов. Трамвайная инфраструктура в Дзержинске активно развивалась до конца 1980-х гг. Это был мой любимый вид транспорта, на трамвае можно было объехать полгорода и добраться до самых дальних заводов. В 1990-е, когда многие градообразующие предприятия переживали упадок, трамваи стали ходить реже, а некоторые маршруты и вовсе отменили. Содержать старый парк трамваев и все его пути стало для города слишком дорого. Жители несколько раз выходили на митинг, уволенные работники депо, желая привлечь общественное внимание, строили трамвай из снега,

Рельсы. 2018. Холст, масло. 150 × 200 см

Опасная зона. 2018. Холст, масло. 180 × 260.
Институт русского реалистического искусства

но все напрасно. В конце 2015 г. этот вид транспорта похоронили. Горожане повесили на последний трамвай венок и с почестями отправили его в последний путь. Движение было окончательно остановлено, вагоны и рельсы распилены на металлолом. Дзержинский трамвай просуществовал 82 года.

Сейчас трамваи частично заменили не очень-то приспособленные под нужды общественного транспорта «ПАЗики» частных компаний. К сожалению, они только добавили проблем: новый транспорт не может вместить всех желающих и подолгу стоит в городских пробках в часы пик.

Приехав в очередной раз в родной город, я застал момент, когда рельсы еще не были демонтированы, но песок уже начал поглощать эту важную часть городской инфраструктуры. Я написал картину «Рельсы», на которой изобразил этот самый момент, когда поверх еще существующих трамвайных рельс появились песчаные колеи.

Полигон глубинного захоронения

Полигон захоронения токсичных отходов Симазина — производства гербицидов 3-го класса опасности — был введен в эксплуатацию в 1976 г. В него было закачано около 2 млн кубометров токсичных веществ. Отходы закачивались

через три нагнетательных скважины на глубину до 1200 м. В 1990-е гг. запорная арматура пришла в негодность, а завод, обслуживавший полигон, объявили банкротом. Возникла опасность разрыва арматуры и выхода токсичных веществ наружу, что могло привести к масштабной экологической катастрофе. В 2012 г. скважины были загерметизированы и затампонированы. А на месте выхода арматуры из-под земли установлены бетонные кубы, призванные сдерживать давление и предотвратить техногенную катастрофу.

Опасная зона

Как я говорил уже не раз, в 1990-е и нулевые годы многие крупные заводы были обанкрочены и частично прекратили деятельность. На территории Восточной промзоны осталось несколько промышленных отстойников, в которые в течение десятилетий сбрасывали отходы разных производств. Один из них получил неофициальное название «Черная дыра». Это карстовая воронка недалеко от одного из самых крупных предприятий, в нее нелегально сбрасывали отходы, которые по классу опасности нельзя утилизировать в открытые резервуары. По данным геодезических исследований, отстойник содержит более 70 000 кубометров химических отходов, в том числе такие химические соединения, как метилметакрилат, фенол, бутилметакрилат, додецил метакрилат, тетрадецил метакрилат, дибутилфталат, изопропилбензол, альфа метилстирол, нефтепродукты, полихлорированные бифенилы, органические соединения ацетофенон, фенотиазин, циклодекан, сульфаты, хлориды, цианиды, производные тяжелых металлов.

«Черная дыра» в 1990-е гг. попала в Книгу рекордов Гиннесса как «наиболее загрязненный малый водоем планеты». Проблема с этим «объектом накопленного экологического ущерба» осложнена тем, что токсичные отходы распространились на большое расстояние вокруг через грунтовые воды. «Черная дыра» огорожена колючей проволокой, находится рядом с ней опасно для здоровья. Тем не менее ее часто посещают любители экстремального туризма, о чем свидетельствует большое количество выброшенных кроссовок и сапог вокруг. На картине «Опасная зона» изображено ограждение, построенное вокруг этого печально известного объекта.

Раздел 5. Руины

«Руины» — обобщенный опыт изучения безлюдных и пустых пространств промзоны Дзержинска, которые представляются мне романтически-величественными и отчужденными. Я работал над этой серией четыре года и смотрю на здешние руины почти так же, как на античные. Вместе с картинами я показываю цитаты из книги своего отца Александра Леонидовича Отдельнова «Без

Руины. Слава труду. 2016. Холст, масло. 180 × 260 см.
Частное собрание

противогаза не входить!», написанную им специально для проекта. Фрагменты текста изобилуют своеобразным юмором, в них показаны конкретные живые персонажи и ситуации. Картины, исполненные в холодно-отстраненной манере, и построенный на диалогах и описывающий внештатные ситуации на производстве текст — два диаметрально разных способа рассказать о прошлом, связанные только географическими координатами. Мне хотелось оживить истории, которые происходили в этих полуразрушенных цехах, и услышать в них голоса рабочих.

Цех гербицидов

После войны заводы стали выпускать продукцию в мирных целях. Например, гербициды — для уничтожения растительности вдоль железных дорог, шоссе и линий электропередач. Огромное здание с надписью на фасаде «Слава труду и науке» — Цех гербицидов. Он открылся в самом начале 1970-х. Моего папу, тогда школьника, привозили туда вместе с одноклассниками на уборку после строительства. Вот уже второй десяток лет цех стоит брошенный, а на его крыше, будто в отместку за истребление растительности, зеленеют березы.

Руины. ФАД. 2016. Холст, масло. 180 × 260.
Частное собрание

ФАД

ФАД — аббревиатура раскрывается как «фенол-ацетон дзержинский» — одно из самых знаменитых производств Дзержинска. Производство спроектировано по чертежам ученого-химика Рудольфа Удриса. Ученый был репрессирован в 1938 г. и, находясь в заключении в шарашке, изобрел так называемый кумольный способ получения фенола и ацетона. Производство, основанное на изобретении Удриса, было впервые запущено в 1949 г. Специально для этого построили несколько очень красивых цехов с большими арочными окнами и трехнефным интерьером, напоминающим базилику. Открытие нового производства было настоящим поводом для гордости. Однако незадолго до пуска цехов больной и полуслепой ученый, находившийся в глубокой депрессии, свел счеты с жизнью. Сталинскую премию за изобретение получили его коллеги, а имя автора было вычеркнуто и забыто на долгие годы. Рудольфа Удриса похоронили на дзержинском кладбище, но теперь никто не сможет найти его могилу, она утрачена. В 1984 г. о нем вспомнили и назвали его именем одну из улиц города. А цех, которым гордились, сейчас заброшен и медленно разрушается. Этой истории посвящена моя картина «ФАД».

Руины. Цех диизоцианатов. 2017.
Холст, масло. 100 × 150 см

В разделе «Руины» вместе с картинами представлены цитаты из книги А. Л. Отдельнова «Без противогаса не входите!». Папа родился в рабочем поселке посреди заводов и всю жизнь проработал на химических предприятиях Дзержинска. Поговорка «Где родился, там и пригодился» — про него. В моем детстве на кухне каждый вечер грелось ведро с водой — мама кипятила простыни, которые становились желтыми от впитавшихся в кожу, несмотря на противогас и костюм химзащиты, соединений хлора и фосгена. Цеха, в которых работал папа, были одними из самых вредных на заводе. Несмотря на это в его воспоминаниях много юмора, который иногда помогал выживать в самых опасных ситуациях.

Пары ТДА проникают в поры кожного покрова, активно взаимодействуют с влагой и окрашивают кожу в ярко-желтый цвет. Всю смену приходилось работать в прорезиненных рукавицах. Ладони, естественно, потели, и в результате мои руки приобретали яркий охристый оттенок. Я стеснялся подавать руку для рукопожатий, особенно при новых знакомствах, и вынужден был пояснять, что я не китаец и не болею желтухой. Да что руки! Иногда после тяжелой ночной

смены, после душа ложишься спать на чистую белую простынь, а встанешь — на простыне, как на плащанице, желтый абрис! «Китайский след» — так называла это явление моя жена, отправляя в стирку постельное белье.

(Прозрачные тараканы и «Китайский след». 1986 год Завод «Корунд». Цех диизоцианатов. 1980 год. Отдельнов А., 2019: 6)

Зима. Выходной день. Утренняя смена. Я — начальник смены, нахожусь на центральном пульте. Глянул в окно и... обомлел. У цеха стоит директорская «Волга». Предчувствуя неладное, выскакиваю к машине, на ходу поправляя не первой свежести спецовку и противогаз. Навстречу мне распахиваются двери отделения сублимации. В клубах газа (солянка, хлор, фосген и еще черт-те что — химия), в зимнем цивильном пальто и ондатровой шапке — генеральный!

Ноги сами переходят на строевой шаг, докладываю:

— В цехе 33 происшествий не случилось, работаем по плану, начсмены Отдельнов. — Вижу, что он раздражен:

— Что у тебя там за урки?! Чуть пинков не надавали! Впрочем, ладно... Я к тебе полечиться заехал — насморк, простыл, похоже. Хотел хлором подышать для профилактики. Когда выгрузка? Я здесь у лотка постою.

Вдоль всего цеха был устроен бетонный лоток, в который под сильным напором подавалась вода. Каждые два часа из печи хлорирования в этот лоток выгружались брикеты отработанного сырья и далее гидротранспортом перемещались в отвал. В этот момент вдоль всего лотка с брикетами вырывались клубы газовой смеси, хлора и пара. Я бы никогда не додумался лечить насморк этой адской смесью, а вот у директора крупнейшего химического предприятия оказалась своя «фармацевтика»...

Директор благополучно уехал, а я стал выяснять, что же произошло? Народ у нас в цехе был крутой. Даже если кто раньше не сидел в тюрьме или в ЛТП, то все равно был отчаянным парнем с хорошими шансами там побывать. Вот один такой мне и поясняет:

— Входит какой-то х**, без мартышки и в чистом. Я х** его знает, что за х**, и погнал его на х**!

Неделю спустя на совещании генеральный привел наш цех в пример:

— Объехал я как-то ползавода. На каждой двери надпись: «Без противогаза не входить!», и только в 33-м — порядок! Меня не пустили...

(Средство от насморка. Завод «Капролактан». Цех 33. 1980 год. Отдельнов А., 2019: 17–18)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ «ПРОМЗОНА»: ИСТОРИЯ СЕМЬИ КАК ЧАСТЬ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Павел Александрович Отдельнов

Художник. Работает в жанре индустриального пейзажа. Член секции живописи Московского союза художников (МСХ). Окончил Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова и Институт проблем современного искусства. В 2015, 2017 и 2019 гг. был номинирован на премию Кандинского, в номинации «Проект года», в 2017 г. — лауреат премии в области современного искусства имени Сергея Курёхина (специальный приз Французского института). Произведения художника находятся в Государственном Русском музее, Государственной Третьяковской галерее, Московском музее современного искусства, а также в других государственных и частных музеях и коллекциях. Живёт и работает в Москве.

107140, Москва, ул. Краснопрудная, 12/1 стр. 1, мастерская 9.

E-mail: otdelnovpavel@gmail.com

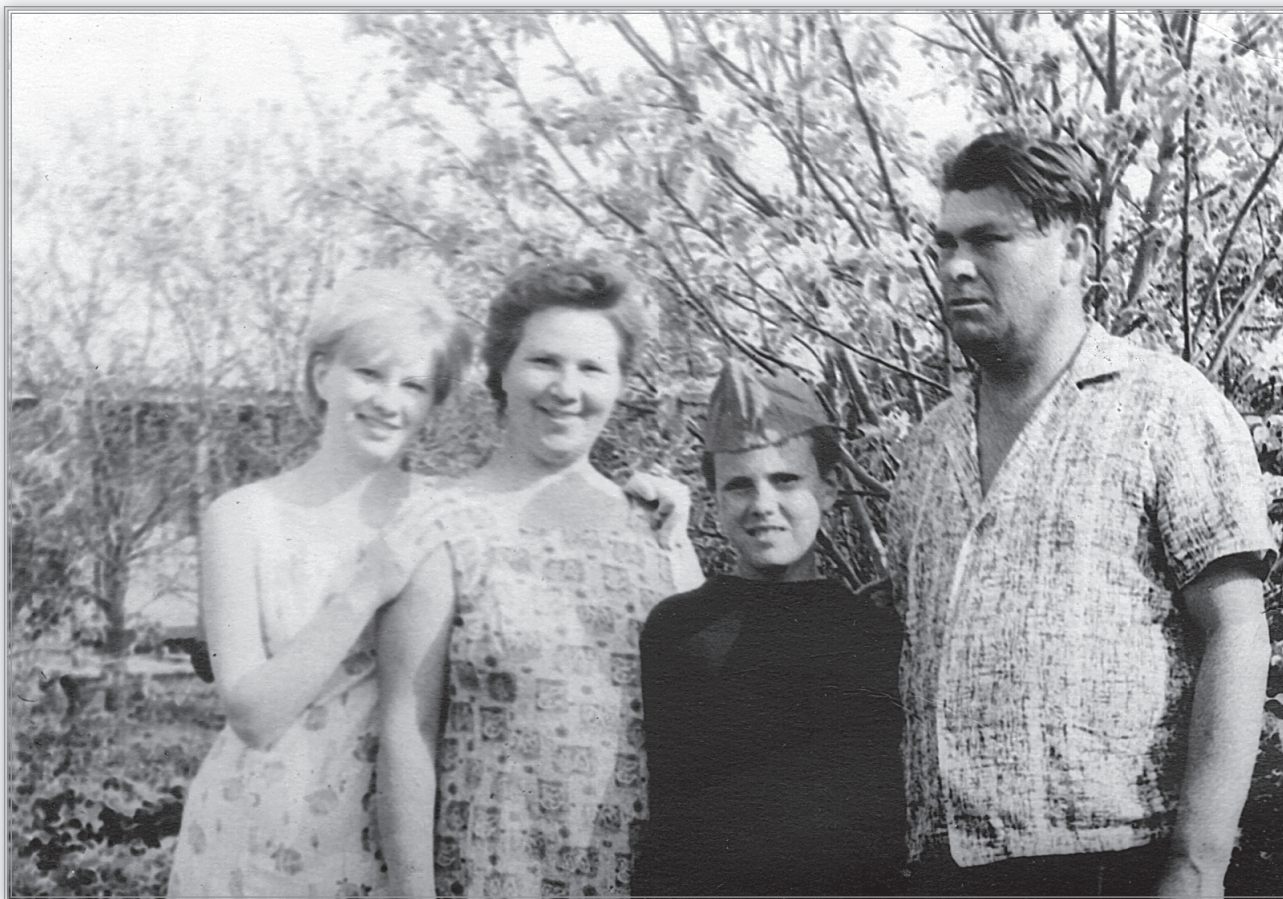
Основой для художественно-исследовательского проекта «Промзона» стала история семьи Павла Отдельнова. Три поколения предков художника трудились на химических заводах Дзержинска — столицы химической промышленности Советского Союза. Для создания проекта художник Павел Отдельнов исследовал территорию заводов в её текущем состоянии, архивные материалы, газеты советского времени, а также обратился к личным историям людей, работавших на химическом производстве.

Проект включает в себя шесть частей: «Следы», «Доска почета», «Руины», «Музей», «Песок» и «Кинозал». Используя различные медиа — живопись, фотографию, видео, инсталляцию, текст и найденные объекты, художник предлагает взглянуть на ушедшую эпоху в её историческом и персональном измерении.

Ключевые слова: советская история, история повседневности, художественное исследование, история химической промышленности, художник Павел Отдельнов

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-4-214-241

Мой проект «Промзона» связан с историей моей семьи. Я родился в городе Дзержинске Нижегородской области, столице советской химической промышленности. Три поколения моих предков работали на секретных химических заводах. Бабушка незадолго перед войной приехала в один из заводских

Семья Отдельновых. Середина 1960-х.

Слева направо: Людмила Леонидовна Отдельнова, Александра Максимовна Отдельнова, Александр Леонидович Отдельнов, Леонид Павлович Отдельнов.

На этом снимке самый маленький — отец автора, он, как его старшая сестра и родители, устроился после школы на тот же завод

поселков из глухой деревни — в то время заводы строились и были нужны руки. Работа была очень вредной и тяжелой. Вначале бабушка готовила снаряды для химавиабомб, а затем была занята на производстве оргстекла для авиации. Дедушка работал в том же цехе, там они и познакомились. Их дети, мои папа и тетя, после школы устроились на тот же завод, в 1970-х гг. такая преемственность считалась поводом для гордости и называлась «трудовая династия».

Проект посвящен промзоне моего родного Дзержинска — большому кластеру химических заводов. Большинство заводов восточной промзоны Дзержинска были построены в 1939 г. Они были нацелены прежде всего на выпуск боевых отравляющих веществ и все военные годы производили боевую химию в огромных масштабах, хотя химическое оружие практически не применялось ни одной из сторон. После войны заводы производили сырье для самых разных отраслей советской промышленности, например, капролактам — основу для синтетических волокон, а также оргстекло, удобрения и гербициды, тетраэтилсвинец, ДДТ, фенол-ацетон, ПВХ. В 1990-е гг. перестала работать централизо-

ванная система экономики, самые прибыльные участки оказались в частных руках, большинство производств были признаны убыточными и закрыты. Градообразующие заводы один за другим обанкротились. Сегодня многие из закрытых цехов разрушены совсем, а другие заброшены.

Недавнее прошлое оказалось как будто стертым. От гигантских заводов остались руины. От рабочего поселка, в котором жили мои предки, не осталось почти никаких следов. Истории, которые вспоминает моя бабушка, кажутся сказками. Мой проект приглашает поразмышлять о забвении, о том, как реальные исторические события превращаются в мифы, а природа отвоевывает пространства, ранее занятые человеком: деревья прорастают через бетонные плиты и разрушают здания. Советская история, возникшая как миф, превращается в античные руины, так и не осуществившись в реальности.

Относительно недавно я вдруг понял, что почти ничего не знаю о том, как это было. Как выглядели цеха, что именно делали мои предки, о чем они думали; что случилось с этими заводами в 90-е годы, почему значительная их часть прекратила работу и была разрушена. От папы и бабушки я иногда слышал истории, которые были своеобразными «семейными преданиями», но не считал их чем-то важным. И вот однажды мы с папой, который всю жизнь (больше 40 лет) работал на этих заводах, попали на территорию одного из них. В нашем походе на завод меня больше всего впечатлило, что от цеха, где в 80-е работал папа, не осталось и следа, его давно снесли. Везде рос дикий лес. И я вдруг понял, что это недавнее прошлое, которое так ясно помнят мои родственники, исчезает, не оставляя почти никаких следов.

Это побудило меня чаще приезжать в родной город и общаться с родственниками. Я записал большие интервью с воспоминаниями, незаконно проникнул на территории заводов и ходил вдоль руин заброшенных цехов, пытаюсь мысленно представить, какими были трудовые будни моих предков. Мне захотелось узнать больше. Я познакомился с бывшей заведующей заводским музеем и получил доступ к большому фотоархиву, который она бережно сохранила. Записался в Ленинскую библиотеку в отдел газет и пересмотрел подшивки заводских малотиражек от 1930-х до начала 1990-х гг. Прочитал изданные и неизданные мемуары и познакомился с бывшими работниками заводов. Приобрел дрон и облетел территории заводов-гигантов.

Я работал над проектом больше четырех лет и результаты показал на выставке «Промзона» в Московском музее современного искусства в январе–марте 2019 г. Зрителям были показаны живописные работы, фотографии, фильмы, инсталляции, тексты и найденные объекты. Проект «Промзона» состоит из шести разделов, и в каждом предложен свой угол зрения на прошлое и настоящее химических заводов Дзержинска.

Иприт. 2017. Холст, масло. 100 × 150 см

Раздел 1. Следы

Для работ первого раздела я использовал архивные материалы, такие как снимки из бывшего заводского музея и архива заводских и городских газет. В работе «ГО» использован найденный в одном из заводов учебный диафильм.

В Первой мировой войне впервые было применено новое оружие массового поражения — химическое. В межвоенный период навряд ли кто-то сомневался, что химическое оружие станет если не главным, то одним из самых стратегически важных видов вооружений. С конца 1930-х гг. дзержинские заводы начали налаживать производство иприта, люизита, фосгена и хлора.

Иприт имеет запах горчицы, вот почему зачастую именуется «горчичным газом». Его впервые применили во время Первой мировой войны немцы около бельгийского города Ипр, из-за чего он и получил своё название. Это высокотоксичное боевое отравляющее вещество кожно-нарывного действия. Его капли вызывают страшные поражения кожи — пузыри, которые лопаются, а на их месте остаются незаживающие язвы. Пары вызывают отек легких. Иприт производился на заводах Дзержинска с 1939 г. Во Второй мировой войне ни одна из сторон так и не решилась применить это оружие. Так вышло, что больше всех от нее пострадали сами рабочие. После войны производство было законсервировано, а в 1990-е полностью ликвидировано. Продукция, производившаяся

Убежище. 2018. Холст, масло. 60 × 80 см

десятками тысяч тонн в год и хранившаяся на складах, так никогда и не была использована.

Вот что пишет Исаак Борисович Котляр, бывший инженером ипритного цеха на одном из дзержинских заводов и участвовавший в его консервации: «Технология была примитивной, без современных технических средств защиты. Атмосфера цеха была насыщена ипритными парами, частые проливы убирались древесными опилками, а затем пол дегазировали хлорной известью. Ни противогаз, ни резиновые комбинезоны, ни сапоги и перчатки не спасали от кожных поражений, острых отравлений глаз и дыхательных путей. Поэтому каждая смена имела двойной состав. Одни работали, а другие лечились.

Вымирание пострадавших в этом цехе началось уже после войны, в основном в 50-е, 60-е и 70-е годы (в зависимости от глубины отравления и образа жизни). Умирали от сердечно-легочной недостаточности, которая медленно, но неизбежно прогрессировала. И не поддавалась никакому лечению» (Котляр, 2001: стр. 15).

Моя бабушка проработала на этом производстве всего месяц: сердобольный начальник перевел ее на менее опасный участок. Среди архивных заводских

12. 02. 1960. 2017. Холст, масло. 180 × 260 см

фотографий я нашел снимок, на котором можно увидеть цех и оборудование, на котором заполняли ипритом химавиабомбы. По мотивам найденной фотографии я написал картину «Иприт».

На каждом более-менее крупном советском предприятии обязательно были кабинеты Гражданской обороны (ГО), в которых проходили соответствующие занятия и просмотры диафильмов. На одном из дзержинских заводов я нашел несколько таких пленок. Их значительная часть была посвящена тому, как вести себя во время химической атаки. Под некоторыми из цехов до сих пор сохранились большие бомбоубежища.

Один из моих дедушек работал инструктором, он регулярно проводил учения, на которых рабочим нужно было подготовить свое рабочее место, надеть противогаз и спуститься в бомбоубежище. Но занятия ГО были нужны не только и, может быть, не столько для того, чтобы суметь укрыться от нападения агрессора. Реальную опасность представляли и сами химические производства, на которых часто случались аварии и внештатные ситуации. Навыки, приобретенные на таких занятиях, были полезны для того, чтобы сохранить здоровье и жизнь.

Переход. 2017. Холст, масло. 100 × 150 см. Частное собрание

Моим самым большим детским страхом была атомная война. Я понимал, что в случае большой войны, скорее всего, придется долго прятаться в бомбоубежище. И с большой вероятностью умереть в нем от голода, холода и отсутствия чистого воздуха. Впервые оказавшись в сохранившемся под одним из цехов убежище, я попал в свой собственный детский страх.

12 февраля 1960 г. из-за утечки газа в шестом цехе завода «Капролактан» произошел взрыв. Сильнейшая ударная волна выбила рамы и стекла в окружающих поселках и даже на территории Горьковского автозавода, в 10 километрах от цеха. Погибла вся смена, 24 человека. Погибших хоронили в разных частях кладбища, чтобы предотвратить массовые скопления людей. Территорию кладбища на время похорон оцепили работники спецслужб и пускали только родственников погибших. Были подписаны многочисленные документы «о неразглашении». Несмотря на то, что все слышали или видели этот взрыв, СМИ того времени предпочли промолчать об инциденте. Я внимательно пересмотрел все заводские и городские издания газет за февраль 1960 г. — в них не было ни слова о произошедшей трагедии. Но среди фотографий из заводского архива сохранился снимок, сделанный с вертолета. На нем можно разглядеть черные руины разрушенного взрывом цеха. Я превра-

Доска почета. 2015–2018. Холст, масло.
Инсталляция, размеры варьируются. Корпоративная коллекция Газпромбанка

тил снимок в «газетную» фотографию, которую написал на огромном холсте, чтобы восполнить пробел в исторической памяти.

Среди архивных фотографий обнаружилось много снимков с наглядной агитацией. Лозунги, нарисованные заводскими художниками-оформителями, были призваны мотивировать трудящихся, например, достойно встретить очередной съезд КПСС или увеличить нормы производства. На одном из таких снимков я узнал переход, остатки которого сохранились и сейчас. Но, к сожалению, перейти по нему уже никуда не получится. Этот переход соединял два корпуса одного цеха, один из которых полностью разрушен.

Раздел 2. Доска почета

Перелистывая подшивки местных дзержинских и заводских газет, я обращал особое внимание на фотографии людей. Обычно на страницы малотиражек попадали передовики производства, стахановцы — «двухсотники» и «трехсотники». Под каждой такой фотографией — небольшой комментарий о том, чем отличился труженик. До семидесятых годов нигде не упоминалось, что именно производил удостоившийся портрета рабочий: действовал режим строгой секретности. Все истории под фотографиями в газете казались мне написанными под копирку. Заводская и городская пресса создавала образ героя труда, взяв за образец газету «Правда» и другие главные издания Советского союза. Если всматриваться в эти фотографии, то можно увидеть целый ряд особенностей, характерных для каждого времени:

- Ретушь. На снимках 1930-х гг. заметно, что были дорисованы предметы одежды — галстук или пиджак. Всегда прорисовывался взгляд героя, стирались дефекты кожи. Примерно с 1960-х гг. ретушь почти перестала использоваться в технике печати. С этого времени фотографии выглядят более натурально.
- Советские фотокорреспонденты учитывали скромные возможности газетной печати и старались сделать максимально контрастным свет для съемки. Тем не менее, многие снимки в газете получались совсем нечеткими. На некоторых из них невозможно различить черты лиц.
- Сама техника съемки претерпела большие изменения: постановочные студийные портреты 1930-х с контрастным светом в 1950-е сменились динамичными диагонально скомпонованными снимками. В 1960-е появились портреты, снятые на фоне производственного оборудования. А в 1980-е заметна попытка придать натурным фотографиям на фоне цехов героический пафос.

01/03/1963. 2015.
Холст, масло. 20 × 15 см

- Менялся доминирующий тип героя: в 1930-е это герой-стахановец, в 1950-е — романтик, устремленный взглядом в светлое будущее, в 1960-70-е — труженик на своем рабочем месте.

Мой взгляд человека XXI века прежде всего обращает внимание не на характерные черты каждого из портрастируемых, а на атрибуты, связывающие изображенного со своей эпохой. Таким образом, на фотографиях мы видим не конкретных людей, а образы, созданные идеологической машиной, рассказывающие больше о контексте и о времени, чем об индивидуальности.

На одном из портретов оказалась моя бабушка. Газетная фотография превратила родного человека в типаж, я не сразу смог ее узнать, когда увидел снимок.

Раздел 3. Музей

Часть выставки я задумал как своеобразный квазимузей — альтернативный вариант краеведческого музея, который хотел бы создать. Его экспонаты никогда не попали бы в официальные музеи: это маленькие вещи, рассказывающие и свидетельствующие не о победах и достижениях, а о повседневной жизни людей.

Мартышки

Словом «мартышки» в народе называли противогазы, которые на многих производствах обновляли ежемесячно. Например, для 33-го цеха «Капролактама», где работал мой папа, ежемесячно привозили 150 новых противогазов и 300 фильтров. Через месяц использования противогазы утилизировались. До сих пор в промзоне Дзержинска можно найти горы списанных противогазов. Один из заводов Дзержинска специализировался на изготовлении средств химзащиты и регулярно поставлял крупные партии для опасных производств. На его территории я нашел горы неиспользованных и частично истлевших противогазов.

Мартышки. 2018–2019. Инсталляция

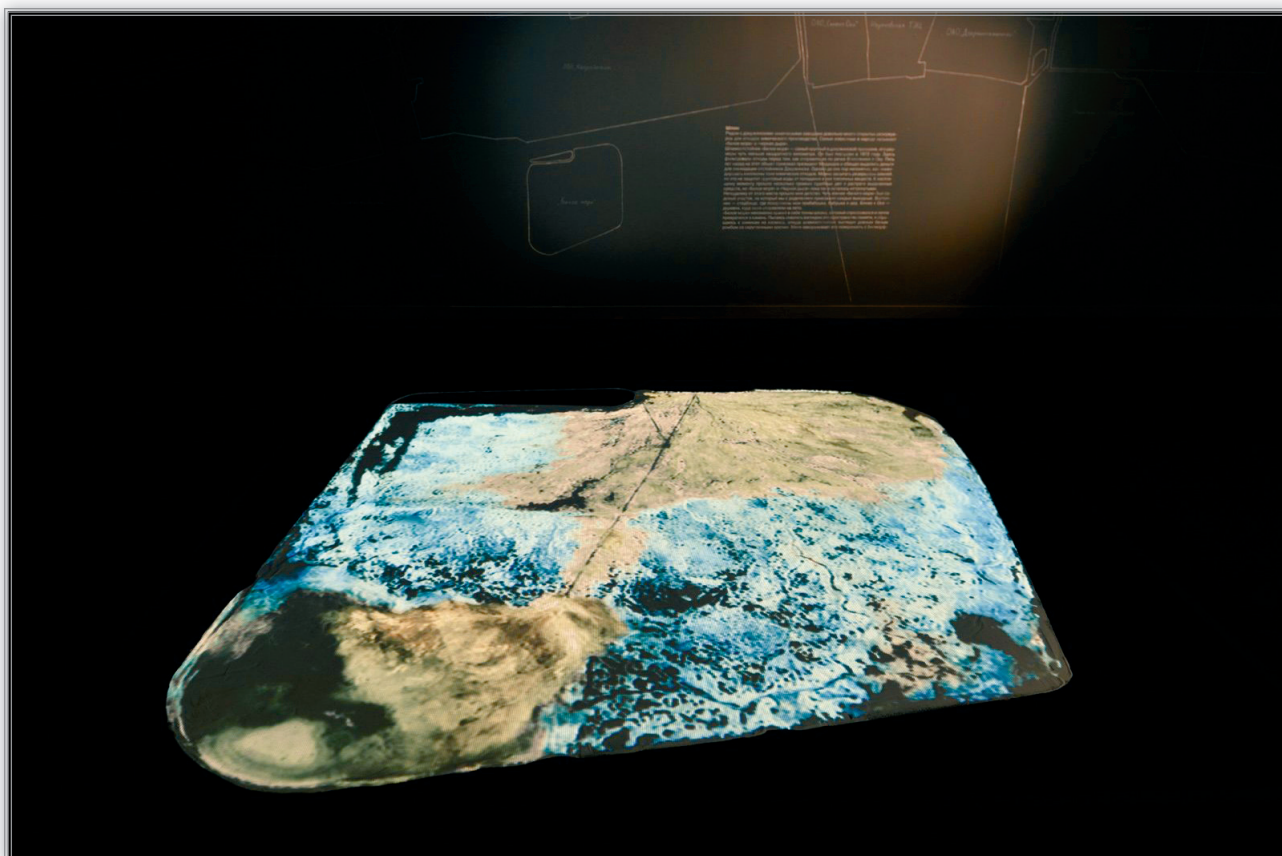
Шлам

Рядом с дзержинскими химическими заводами довольно много открытых резервуаров для отходов химического производства. Самые известные в народе называют «Белое море» и «Черная дыра».

Шламоотстойник¹ «Белое море» — самый крупный в дзержинской промзоне, его размеры чуть меньше квадратного километра. Он был построен в 1973 г. Здесь фильтровали отходы, перед тем как отправить их по речке Волосянихе в Оку. В 2011 г. на этот объект приезжал президент Медведев, пообещавший выделить деньги для ликвидации отстойников Дзержинска. Однако до сих пор непонятно, как ликвидировать миллионы тонн химических отходов. Можно засыпать резервуары землей, но это не защитит грунтовые воды от попадания токсичных веществ. С 2011 г. прошло несколько громких судебных дел о растрате выделенных средств, но к рекультивации «Белого моря» и «Черной дыры» приступили только в конце 2018 — начале 2019 г.

Неподалеку от этого места прошло мое детство. Чуть южнее «Белого моря» был садовый участок, на который мы с родителями приезжали каждые вы-

¹ Шламоотстойник — резервуар для хранения порошкообразных отходов химических производств.

Шлам. 2019. Видеоинсталляция

ходные. Восточнее — кладбище, где похоронены мои прабабушка, бабушка и дед. Ближе к Оке — деревня, куда меня отправляли на лето.

«Белое море» неизменно хранит в себе тонны шлама, который спрессовался и почти превратился в камень. Пытаясь охватить взглядом это пространство памяти, я обращаюсь к снимкам из космоса, откуда шламоотстойник выглядит ровным белым ромбом со скругленными краями. Меня завораживает его поверхность с биоморфными завихрениями и фракталами. Жидкость, которая растекалась и застывала, образовала причудливый рисунок. Получился огромный экран, который, как океан Солярис, хранит в себе память и образы прошлого.

Я собрал все доступные снимки этого объекта, сделанные из космоса, и анимировал их в видеоинсталляции. У меня получилось живое и всё время меняющееся вещество, оно стало главным экспонатом в разделе «Музей».

Запахи

Трудно вообразить все запахи, которые каждый день окружали рабочих химических производств города Дзержинска. Диоксины, трихлорэтилен, винилхлорид, фенол, аммиак, сернистый ангидрид и многие другие химические соединения все время присутствовали в воздухе в разных сочетаниях и кон-

Запахи. 2018–2019. Инсталляция

центрациях. Иногда на заводах случались аварии, и загазованным оказывался весь небольшой город. Помню, как я выходил утром из дома в школу и оказывался в густом тумане. Дзержинцы умели точно определять по запаху, на каком заводе и даже в каком цехе произошла авария. Стоит заметить, что химические запахи иногда напоминают природные. Например, синильная кислота пахнет горьким миндалем, а хлорацетофенон — черемухой. Туманы, накрывавшие город, иногда были не такими уж безобидными. Но об этом никто особенно не думал. По сравнению с загазованностью в цехах, где часто нельзя было находиться без противогаса с накрученными на него несколькими фильтрами, это ничто.

В местном фольклоре есть песня, ставшая неофициальным гимном города Дзержинска. В ней звучали такие строки:

*Проснешься ночью, а на улице туман,
Но вы не бойтесь — это ненадолго.
Наступит утро, и дихлорэтан
Уйдет туда, где Горький и где Волга.*

В настоящее время большинство вредных производств закрыто, поэтому воздух в Дзержинске стал немного чище. Однако вблизи шламонакопителей по-прежнему можно ощутить некоторые из запахов, которые вдыхали работники химических заводов.

Графит. 2016–2019. Инсталляция, найденные объекты

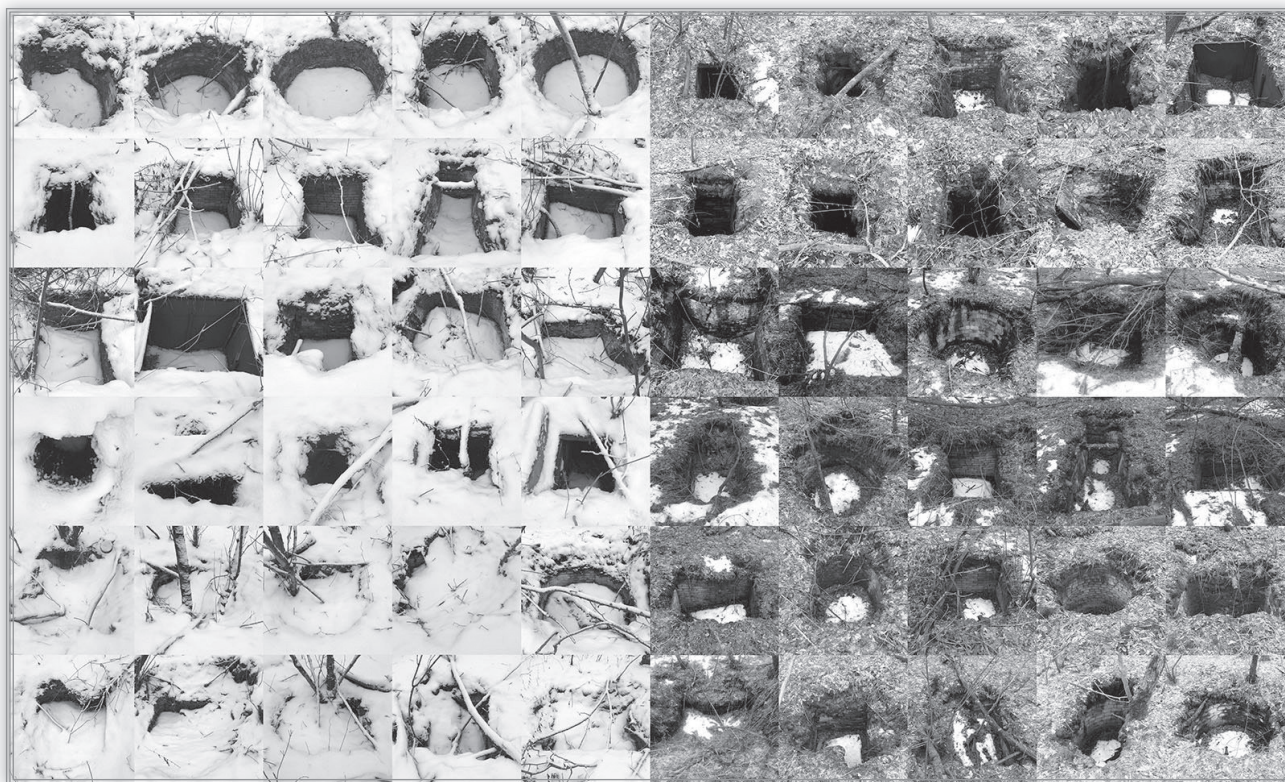
В разделе «Музей» я представил три запаха самых известных шламоотстойников восточной промзоны: «Белого моря», «Черной дыры» и шламов пиролиза. Это склянки с притёртыми крышками, в которых собрано немного того вещества, которое я взял с поверхности открытых резервуаров с химическими отходами.

На пиролизном производстве около двадцати лет проработала моя родственница. Она каждый день вдыхала канцерогенные пары и умерла от злокачественной опухоли.

Графит

Графитовые электроды использовались для производства хлора и других химических продуктов методом электролиза. Во время эксплуатации электроды разлагаются и накапливают высокотоксичные диоксины. Графитовые стержни сорбируют до 20 % своей массы соединения свинца, хлора, серы, азота и другие вредные вещества.

Жители поселков, находившихся рядом с промзоной, обнаружили, что графитовые отходы горят в два-три раза дольше угля, и с 1960-х до конца 1990-х гг. активно использовали их для отопления жилищ. По подсчетам экологов, жители только одного из поселков ежегодно сжигали в печах около 400 тонн такого графита. Были времена, когда его можно было вполне официально выписать на заводе. Потом, когда стало известно его токсичное действие, графит стали от-

Ямы. 2016–2019. Лайтбоксы

возить на свалку. Но водители за небольшие деньги продолжали продавать его местным жителям. Куры, поклевавшие графитовую крошку, умирали. А жители поселков, сжигавшие графит, десятилетиями травились и страдали от болезней органов дыхания. В начале 2000-х гг. большинство домов газифицировали, и необходимость топить печи графитом отпала.

Ямы

Город Дзержинск появился на карте в 1930 г. Но еще долгое время большинство рабочих жили в барачных поселках: Калининском, Менделеевском и многих других. Некоторые из них имели экзотические названия, например, Соловки, где селились раскулаченные, или Фибролитовый, построенный из фибролитовых плит (смесь древесной стружки с цементным раствором). Был также Говенный хутор, там жили золотари.

Рядом с каждым крупным заводом находился Аварийный поселок для начальства и инженеров, то есть тех, кто в случае аварии должен был немедленно прибыть на завод. Это были наиболее благоустроенные места обитания с капитальными зданиями и развитой инфраструктурой.

В одном самых крупных барачных поселков — Ворошиловском — родились почти все мои предки. В нем насчитывалось больше 10 000 жителей. Там имелось две больницы, две школы, роддом, морг, баня, клуб и даже музыкальное училище. Поселки были расселены в 1960-е гг., пропал с карты и Ворошилов-

ский. Сейчас на его месте густые заросли: территория плотно заросла дикорастущими деревьями. От бараков не сохранилось даже фундаментов, но остались ямы, когда-то служившие погребями. Погребя были нужны не только для хранения продуктов — это было также убежище в случае бомбежки или химической атаки.

Клаус

В поисках информации о дзержинской промзоне и об исчезнувшем поселке, где поколениями жили мои предки, я обнаружил аэрофотоснимок, сделанный немецкими шпионами в 1942 г. В подписях к снимку видно, что основным объектом интереса немцев были не заводы, работавшие на оборонную промышленность, а ТЭЦ, обеспечивавшая энергоснабжение всей промзоны.

Тогда же мне попала в руки книга воспоминаний бывшего пилота Люфтваффе Клауса Фритцше, в которой он подробно рассказывал о пребывании в лагерях военнопленных. Его самолет во время второго боевого вылета сбили недалеко от Астрахани, и Клаус провел в советских лагерях шесть лет. Об этом он написал книгу, которая так и называется — «Шесть лет за колючей проволокой». Два лагеря, где он провел больше всего времени, находились рядом с тем самым Ворошиловским поселком на территории промзоны. Пленные немцы работали на самых вредных и опасных участках, например, на производстве добавки к бензину, повышающей его октановое число, тетраэтилсвинца. Люди на таком производстве очень быстро теряли физическое и умственное здоровье. Пленные также строили новые корпуса и налаживали трофейное оборудование, привезенное из Восточной Германии. Рядом с Дзержинском было три лагеря для военнопленных, два из них располагались в Восточной промзоне. Я захотел уточнить местоположение этих лагерей и нашел в сети электронный адрес Клауса. Я не очень рассчитывал на успех, однако написал ему письмо, в котором отправил снимок, сделанный немецкими шпионами. К моему удивлению, Клаус ответил мне по-русски (за шесть лет в лагерях он успел неплохо выучить наш язык) и прислал схему, нарисованную поверх карты советского времени. В ходе переписки мы сумели точно выяснить расположение лагерей для военнопленных. Оказалось, что во время Перестройки и позже Клаус несколько раз приезжал в восточную промзону. Он прислал мне две фотографии. На одной он позирует на фоне строящейся казармы в 1946 г. Второй снимок был сделан в 2000-м: Клаус стоит на том же самом месте, только казарма превратилась в руины. Знание русского языка очень пригодилось бывшему военнопленному: он стал техническим переводчиком и написал два словаря,

Claus Fritzsche
Получатель: praveldelnov@icloud.com
Переправ.: Re: лагерь военнопленных 469/1 в Игумново

Вот фото недостроенного нового корпуса.

----- Weitergeleitete Nachricht -----
Betreff: Re: лагерь военнопленных 469/1 в Игумново
Datum: Mon, 11 Jan 2016 13:09:10 +0100
Von: Claus Fritzsche <claus235@online.de>

An: Павел Отдельнов <praveldelnov@icloud.com> Раскрыть сообщение пользователя Claus Fritzsche

Скриншот переписки. 2016

Камни. 2016–2019. Фрагмент инсталляции

до сих пор известных как *Красный Фритциш* и *Чёрный Фритциш*. Я надеялся приехать к нему в Восточную Германию, чтобы взять интервью, но летом 2017 г. Клаус умер. К счастью, он успел разрешить мне опубликовать нашу с ним переписку, которая стала частью моего проекта.

Единственное сохранившееся здание исчезнувшего Ворошиловского поселка на территории Восточной промзоны Дзержинска — недостроенный клуб завода «Рулон». Он строился по типовому проекту. Его возведение началось в 1940 г., но война не позволила завершить строительство. В 1940-е гг. стояло много других неотложных проблем, а в конце 1950-х началось расселение поселка. Клуб так и не построили. Здание долгое время использовалось как склад, а в настоящее время там располагается овощебаза ближайшей исправительной колонии. Силикатные кирпичи, из которых строилось здание, оказались некачественными. Эрозия и выветривание превратили кирпичи в «камни», которые рассыпаются в руках. Кирпичи, превращающиеся в песок, в моем проекте стали метафорой повседневной истории и исчезающей памяти о том, что происходило совсем недавно.

Раздел 4. Песок

Мой родной город Дзержинск построен на песках. На старых фотографиях можно увидеть песчаную пустыню с редкими соснами, бараками и несколькими зданиями в стиле конструктивизма в центре города: зданием администрации, универмагом и фабрикой-кухней.

Рельсы

Основным видом транспорта для рабочих химических заводов Дзержинска был трамвай. Первую линию, соединившую город и промзону, построили уже через три года после основания города, в 1933 г. Дзержинская городская газета тех лет писала о самоотверженных рабочих-энтузиастах, которые после тяжелого трудового дня на заводах таскали шпалы и лопатами выравнивали основание для трамвайных путей. Это была настоящая народная стройка, линия появилась благодаря «субботникам», «воскресникам» и даже «вечерникам» — существовала и такая форма добровольно-принудительного труда. Открытие первой одноколейной трамвайной линии праздновали как настоящую победу человека над песками и хаосом. Линию много раз достраивали и удлиняли. Позднее появилось еще несколько маршрутов. Трамвайная инфраструктура в Дзержинске активно развивалась до конца 1980-х гг. Это был мой любимый вид транспорта, на трамвае можно было объехать полгорода и добраться до самых дальних заводов. В 1990-е, когда многие градообразующие предприятия переживали упадок, трамваи стали ходить реже, а некоторые маршруты и вовсе отменили. Содержать старый парк трамваев и все его пути стало для города слишком дорого. Жители несколько раз выходили на митинг, уволенные работники депо, желая привлечь общественное внимание, строили трамвай из снега,

Рельсы. 2018. Холст, масло. 150 × 200 см

Опасная зона. 2018. Холст, масло. 180 × 260.
Институт русского реалистического искусства

но все напрасно. В конце 2015 г. этот вид транспорта похоронили. Горожане повесили на последний трамвай венок и с почестями отправили его в последний путь. Движение было окончательно остановлено, вагоны и рельсы распилены на металлолом. Дзержинский трамвай просуществовал 82 года.

Сейчас трамваи частично заменили не очень-то приспособленные под нужды общественного транспорта «ПАЗики» частных компаний. К сожалению, они только добавили проблем: новый транспорт не может вместить всех желающих и подолгу стоит в городских пробках в часы пик.

Приехав в очередной раз в родной город, я застал момент, когда рельсы еще не были демонтированы, но песок уже начал поглощать эту важную часть городской инфраструктуры. Я написал картину «Рельсы», на которой изобразил этот самый момент, когда поверх еще существующих трамвайных рельс появились песчаные колеи.

Полигон глубинного захоронения

Полигон захоронения токсичных отходов Симазина — производства гербицидов 3-го класса опасности — был введен в эксплуатацию в 1976 г. В него было закачано около 2 млн кубометров токсичных веществ. Отходы закачивались

через три нагнетательных скважины на глубину до 1200 м. В 1990-е гг. запорная арматура пришла в негодность, а завод, обслуживавший полигон, объявили банкротом. Возникла опасность разрыва арматуры и выхода токсичных веществ наружу, что могло привести к масштабной экологической катастрофе. В 2012 г. скважины были загерметизированы и затампонированы. А на месте выхода арматуры из-под земли установлены бетонные кубы, призванные сдерживать давление и предотвратить техногенную катастрофу.

Опасная зона

Как я говорил уже не раз, в 1990-е и нулевые годы многие крупные заводы были обанкрочены и частично прекратили деятельность. На территории Восточной промзоны осталось несколько промышленных отстойников, в которые в течение десятилетий сбрасывали отходы разных производств. Один из них получил неофициальное название «Черная дыра». Это карстовая воронка недалеко от одного из самых крупных предприятий, в нее нелегально сбрасывали отходы, которые по классу опасности нельзя утилизировать в открытые резервуары. По данным геодезических исследований, отстойник содержит более 70 000 кубометров химических отходов, в том числе такие химические соединения, как метилметакрилат, фенол, бутилметакрилат, додецил метакрилат, тетрадецил метакрилат, дибутилфталат, изопропилбензол, альфа метилстирол, нефтепродукты, полихлорированные бифенилы, органические соединения ацетофенон, фенотиазин, циклодекан, сульфаты, хлориды, цианиды, производные тяжелых металлов.

«Черная дыра» в 1990-е гг. попала в Книгу рекордов Гиннесса как «наиболее загрязненный малый водоем планеты». Проблема с этим «объектом накопленного экологического ущерба» осложнена тем, что токсичные отходы распространились на большое расстояние вокруг через грунтовые воды. «Черная дыра» огорожена колючей проволокой, находится рядом с ней опасно для здоровья. Тем не менее ее часто посещают любители экстремального туризма, о чем свидетельствует большое количество выброшенных кроссовок и сапог вокруг. На картине «Опасная зона» изображено ограждение, построенное вокруг этого печально известного объекта.

Раздел 5. Руины

«Руины» — обобщенный опыт изучения безлюдных и пустых пространств промзоны Дзержинска, которые представляются мне романтически-величественными и отчужденными. Я работал над этой серией четыре года и смотрю на здешние руины почти так же, как на античные. Вместе с картинами я показываю цитаты из книги своего отца Александра Леонидовича Отдельнова «Без

Руины. Слава труду. 2016. Холст, масло. 180 × 260 см.
Частное собрание

противогаза не входить!», написанную им специально для проекта. Фрагменты текста изобилуют своеобразным юмором, в них показаны конкретные живые персонажи и ситуации. Картины, исполненные в холодно-отстраненной манере, и построенный на диалогах и описывающий внештатные ситуации на производстве текст — два диаметрально разных способа рассказать о прошлом, связанные только географическими координатами. Мне хотелось оживить истории, которые происходили в этих полуразрушенных цехах, и услышать в них голоса рабочих.

Цех гербицидов

После войны заводы стали выпускать продукцию в мирных целях. Например, гербициды — для уничтожения растительности вдоль железных дорог, шоссе и линий электропередач. Огромное здание с надписью на фасаде «Слава труду и науке» — Цех гербицидов. Он открылся в самом начале 1970-х. Моего папу, тогда школьника, привозили туда вместе с одноклассниками на уборку после строительства. Вот уже второй десяток лет цех стоит брошенный, а на его крыше, будто в отместку за истребление растительности, зеленеют березы.

Руины. ФАД. 2016. Холст, масло. 180 × 260.
Частное собрание

ФАД

ФАД — аббревиатура раскрывается как «фенол-ацетон дзержинский» — одно из самых знаменитых производств Дзержинска. Производство спроектировано по чертежам ученого-химика Рудольфа Удриса. Ученый был репрессирован в 1938 г. и, находясь в заключении в шарашке, изобрел так называемый кумольный способ получения фенола и ацетона. Производство, основанное на изобретении Удриса, было впервые запущено в 1949 г. Специально для этого построили несколько очень красивых цехов с большими арочными окнами и трехнефным интерьером, напоминающим базилику. Открытие нового производства было настоящим поводом для гордости. Однако незадолго до пуска цехов больной и полуслепой ученый, находившийся в глубокой депрессии, свел счеты с жизнью. Сталинскую премию за изобретение получили его коллеги, а имя автора было вычеркнуто и забыто на долгие годы. Рудольфа Удриса похоронили на дзержинском кладбище, но теперь никто не сможет найти его могилу, она утрачена. В 1984 г. о нем вспомнили и назвали его именем одну из улиц города. А цех, которым гордились, сейчас заброшен и медленно разрушается. Этой истории посвящена моя картина «ФАД».

Руины. Цех диизоцианатов. 2017.
Холст, масло. 100 × 150 см

В разделе «Руины» вместе с картинами представлены цитаты из книги А. Л. Отдельнова «Без противогаса не входите!». Папа родился в рабочем поселке посреди заводов и всю жизнь проработал на химических предприятиях Дзержинска. Поговорка «Где родился, там и пригодился» — про него. В моем детстве на кухне каждый вечер грелось ведро с водой — мама кипятила простыни, которые становились желтыми от впитавшихся в кожу, несмотря на противогас и костюм химзащиты, соединений хлора и фосгена. Цеха, в которых работал папа, были одними из самых вредных на заводе. Несмотря на это в его воспоминаниях много юмора, который иногда помогал выживать в самых опасных ситуациях.

Пары ТДА проникают в поры кожного покрова, активно взаимодействуют с влагой и окрашивают кожу в ярко-желтый цвет. Всю смену приходилось работать в прорезиненных рукавицах. Ладони, естественно, потели, и в результате мои руки приобретали яркий охристый оттенок. Я стеснялся подавать руку для рукопожатий, особенно при новых знакомствах, и вынужден был пояснять, что я не китаец и не болею желтухой. Да что руки! Иногда после тяжелой ночной

смены, после душа ложишься спать на чистую белую простынь, а встанешь — на простыне, как на плащанице, желтый абрис! «Китайский след» — так называла это явление моя жена, отправляя в стирку постельное белье.

(Прозрачные тараканы и «Китайский след». 1986 год Завод «Корунд». Цех диизоцианатов. 1980 год. Отдельнов А., 2019: 6)

Зима. Выходной день. Утренняя смена. Я — начальник смены, нахожусь на центральном пульте. Глянул в окно и... обомлел. У цеха стоит директорская «Волга». Предчувствуя неладное, выскакиваю к машине, на ходу поправляя не первой свежести спецовку и противогаз. Навстречу мне распахиваются двери отделения сублимации. В клубах газа (солянка, хлор, фосген и еще черт-те что — химия), в зимнем цивильном пальто и ондатровой шапке — генеральный!

Ноги сами переходят на строевой шаг, докладываю:

— В цехе 33 происшествий не случилось, работаем по плану, начсмены Отдельнов. — Вижу, что он раздражен:

— Что у тебя там за урки?! Чуть пинков не надавали! Впрочем, ладно... Я к тебе полечиться заехал — насморк, простыл, похоже. Хотел хлором подышать для профилактики. Когда выгрузка? Я здесь у лотка постою.

Вдоль всего цеха был устроен бетонный лоток, в который под сильным напором подавалась вода. Каждые два часа из печи хлорирования в этот лоток выгружались брикеты отработанного сырья и далее гидротранспортом перемещались в отвал. В этот момент вдоль всего лотка с брикетами вырывались клубы газовой смеси, хлора и пара. Я бы никогда не додумался лечить насморк этой адской смесью, а вот у директора крупнейшего химического предприятия оказалась своя «фармацевтика»...

Директор благополучно уехал, а я стал выяснять, что же произошло? Народ у нас в цехе был крутой. Даже если кто раньше не сидел в тюрьме или в ЛТП, то все равно был отчаянным парнем с хорошими шансами там побывать. Вот один такой мне и поясняет:

— Входит какой-то х**, без мартышки и в чистом. Я х** его знает, что за х**, и погнал его на х**!

Неделю спустя на совещании генеральный привел наш цех в пример:

— Объехал я как-то ползавода. На каждой двери надпись: «Без противогаза не входить!», и только в 33-м — порядок! Меня не пустили...

(Средство от насморка. Завод «Капролактан». Цех 33. 1980 год. Отдельнов А., 2019: 17–18)

«Субъекты памяти». 2016. 30 минут. Скриншот

Раздел 6. Кинозал

Завершающий раздел проекта — «Кинозал».

Фильм «Субъекты памяти» экспонируется в разделе «Музей» или рядом с ним. Фильм состоит из интервью с моими родственниками. В первой части мой дядя (Лев Иванович Татаринов) рисует план Ворошиловского поселка. Тетя (Людмила Леонидовна Семенова), папа (Александр Леонидович Отдельнов) и бабушка (Альбина Алексеевна Важдаева) рассказывают свои самые яркие воспоминания об исчезнувшем Ворошиловском поселке. Во второй части мои папа, бабушки (Альбина Алексеевна Важдаева и Александра Максимовна Отдельнова) рассказывают о своей работе на химических заводах Дзержинска.

Фильмы «Химзавод» и «От Белого моря до Черной дыры» предлагают зрителю увидеть промзону с высоты птичьего полета и осознать ее масштаб. Два фильма синхронизированы, они демонстрируются в одном пространстве, один напротив другого. Фильмы основаны на съемках с квадрокоптера. «Химзавод» — фильм о заводах Дзержинска, «От Белого моря до Черной дыры» — об экологических последствиях химического производства. В фильме показаны химические отходы, которые до сих пор продолжают отравлять воздух и почву.

«От Белого моря до Черной дыры». 2018. 19 мин. 14 сек. Скриншот

Заключение

Если говорить о методах, которыми я пользовался, то я бы назвал их абдуктивными. Я занимался созданием разных версий взгляда на промзону Дзержинска и ее историю, которые в совокупности представил на выставке. Обращаясь к разным источникам, я соотносил их с тем, что вижу глазами человека XXI века. Заводские газеты пишут только о том, чего хочет партия, и освещают только то, что она считает нужным. Снимки из фотоархива делались также для газеты, в агитационных целях. Но и мои собственные глаза меня обманывают, потому что я смотрю на руины заводов как на нечто величественное, почти как романтик XXI в. на античные руины. Мне как художнику все время хочется обобщить и образно представить увиденное. Каждый мемуарист создает субъективную картину прошлого, папа и бабушка фокусируются на отдельных эпизодах, как правило, или очень смешных, или трагических. Иногда первое и второе неразделимы.

Тем, кто знакомится с моим проектом, я хотел дать возможность самостоятельно собрать из увиденного понимание прошедшего, оставив для них возможность сделать собственные выводы.

Мне кажется крайне важным, чтобы каждый осознал, что ему открыты свои двери в историю.

Литература

- Котляр И. Б. (2001). В городе большой химии. Воспоминания. М.: ОМННО «Совет Гринпис».
- Отдельнов А. Л. (2019). Без противогаса не входите! М.: Галерея «Триумф».
- Отдельнов П. А. (2019). Промзона. М.: Галерея «Триумф». 2019.

THE PROMZONA ART PROJECT: THE FAMILY STORY AS A PART OF THE HISTORY OF THE COUNTRY

Pavel Otdelnov

Russian artist. Known for Industrial landscape paintings. A member of Moscow Union of artists. He graduated from the Surikov Moscow State Academic Art Institute and the Institute of Contemporary Art. In 2015, 2017 and 2019 he was nominated for the Kandinsky Award in the Project of the Year category. In 2017 he got the Sergey Kuryokhin Contemporary Art Award (the special prize of the French Institute). The artist's works are in the collections of the State Russian Museum, the State Tretyakov Gallery, the Moscow Museum of Modern Art, as well as other national and private museums and collections. He lives and works in Moscow.

107140, Moscow, 12/1 Krasnoprudnaya St., building 1, studio 9.

E-mail: otdelnovpavel@gmail.com

The Promzona (Industrial park) project is based on the artist Pavel Otdelnov's family story. Three generations of the artist's ancestors laboured at chemical plants of Dzerzhinsk, the capital of Soviet chemical industry. While preparing the project, Otdelnov has explored the industrial area in its current state, as well as archival materials and newspapers of the time.

The project consists of 6 parts: Traces, Wall of Fame, Museum, Ruins, Sand and Cinema Hall. Otdelnov has also dug into the personal stories of people who once worked in chemical industry. Working in different media, including painting, photography, video, installation, text and ready-made, the artist introduces his viewers to the bygone era in its historical and personal dimension.

Keywords: Soviet history, Alltagsgeschichte, Artistic research, Chemical industry history, Artist Pavel Otdelnov

Referenses

Kotljars I. [Kotlyar I.] (2001). V gorode bol'shoj himii. Vospominaniya [In a city of great chemistry. Memories], Moscow: Sovet Grinpis (in Russian).

Otdel'nov A. [Otdelnov A.] (2019). Bez protivogaza ne vhodit'! [Do not enter without a gas mask!], Moscow: Galereja «Triumf» (in Russian).

Otdel'nov P. (2019). Promzona [Industrial area], Moscow: Galereja «Triumf» (in Russian).